

Глава 8

Я проснулся среди ночи и понял, что сон ушёл безвозвратно. Набросив одежду, я подошёл к окну и толкнул створки. На тёмном небосводе застыл тонкий серп растущей луны, заливая землю холодным, безучастным светом. Я глубоко вдохнул ночную прохладу и замер, прикрыв глаза. В груди ворохнулась старая, щемящая тоска.

Минцун... Как же давно я не слышал этого названия. Сегодняшнее случайное упоминание пробудило воспоминания, которые, казалось, дремали в самых потаённых уголках моей души. И теперь, в предутренней тишине, они ожили, заставляя сердце биться чаще. Если бы не та трагедия, возможно, я бы остался в семье Нань надолго. Ведь именно там я впервые в этом мире узнал, что такое человеческое тепло.

Как там Хэ Янь? Всё ли у него в порядке? Не затронула ли его та беда? Очень хочется верить, что нет, иначе мне вовек не обрести покоя. А няня? Она ведь уже совсем стара, и недуги наверняка дают о себе знать. Как она жила все эти годы? Справилась ли с тяготами?

Я невольно посмотрел на юг. Минцун лежал именно там. Если идти долго-долго, не сворачивая, то рано или поздно окажешься в том шумном городе. Остался ли он прежним?

— Господин, вы уже встали? — раздался за дверью звонкий голос Минчжу. — Подать завтрак в комнату или спуститесь в зал?

Я обернулся и посмотрел на него:

— Собирай вещи, поедим вниз. После сразу сдадим ключи — пора возвращаться.

— Слушаюсь! — паренёк тут же засуетился, принимаясь за сборы.

Я лишь молча покачал головой, глядя ему в спину. Этот Минчжу в последнее время совсем отбилась от рук и напрочь забыл о приличиях.

Я спас его три года назад, когда по делам спускался с горы. Тогда его, окровавленного и полуживого, окружила шайка уличных задир. Парень сжался в комок на земле, не в силах даже пошевелиться. Что-то кольнуло у меня внутри, и прежде чем я успел рассудить здраво, я уже вмешался.

Минчжу пролежал в беспомощности сутки. Когда же он наконец пришёл в себя, я спросил, откуда он родом, и протянул ему немного серебра — на дорогу домой. Собирался уже уйти, но услышал за спиной сдавленные рыдания.

Обернувшись, я увидел, что лицо паренька совсем опухло от слёз. В тот миг передо мной словно наложились друг на друга два образа: Минчжу и Сяо Я. Я смутно вспомнил, что Сяо Я в минуты отчаяния рыдал точно так же — не заботясь о том, как выглядит со стороны. Он просто

ревел во всё горло, совершенно забыв, что он мужчина.

Заметив, что я остановился, Минчжу соскочил с кровати и рухнул передо мной на колени. От неожиданности я даже отпрянул на шаг.

— Умоляю, господин, спасите моего отца! — он не обращал внимания на собственные раны, лишь неистово бил поклоны, касаясь лбом пола.

Я оторопел, а затем попытался поднять его за плечи:

— Встань. Живо.

Я так и не смог привыкнуть к этим земным поклонам. Каждый раз они вызывали у меня глухое раздражение. Наверное, для местных жителей пасть ниц — дело обыденное, но во мне бунтовало всё моё нутро. Слишком глубока была пропасть между воспитанием в мире, где проповедовали равенство, и этой реальностью. Здесь миром правили власть и богатство, позволяя знатым господам безнаказанно топтать тех, кто стоял ниже по рождению. А бедняки, чтобы просто выжить, привыкали гнуть спину и расшибать лбы в кровь. Мне это было противно, но изменить миропорядок я был не в силах.

— Под коленями у мужчины золото, незачем ими землю мерить, — резко бросил я, заставляя его подняться.

— Отец... мой отец умирает! — всхлипывал он, размазывая слёзы. — Господин, молю, спасите его!

Он снова попытался упасть на колени. Я вздохнул — голова пошла кругом. Было ясно: если не соглашусь, этот мальчишка не отвяжется. К тому же он пёкся о родителе, а такую преданность я не мог оставить без ответа.

Мы поспешили к разрушенному храму на западе города, но опоздали. Отец Минчжу испустил дух, не дождавшись сына. Парень рухнул рядом с телом и закричал так горько и отчаянно, что у меня не поднялась рука его успокаивать. Пусть выплачется, иначе эта боль выжжет его изнутри. Только когда его рыдания перешли в тихое икание, я заговорил:

— Твой отец ушёл. Нужно предать его земле, как подобает.

Минчжу смотрел на меня красными глазами, кажется, не понимая ни слова. Я достал из рукава несколько слитков серебра и вложил в его ладонь:

— Похорони его достойно.

Я развернулся, чтобы уйти, но почувствовал, как чьи-то пальцы вцепились в мой подол.

Заметив мой взгляд, Минчжу тут же отпустил ткань и снова забился в поклонах:

— Господин, ваша милость не знает границ. Умоляю, подождите немного! Как только я предам отца земле, я буду служить вам верой и правдой, стану вашим волком, вашей лошадей, лишь бы отплатить за доброту!

— Не стоит, — ровно ответил я. — Я помог тебе лишь потому, что увидел в тебе достойного сына. Похорони отца, а если останутся деньги — найди себе какое-нибудь ремесло, чтобы прокормиться.

Минчжу вскинул голову и, дрожащими руками протягивая мне серебро, воскликнул:

— Раз господину не нужна моя служба, я не смею принять эти деньги!

Я вскинул брови:

— И как же ты собираешься хоронить отца без гроша в кармане?

Он промолчал, опустив голову, но руки с серебром не опустил. Так мы простояли минут десять. В конце концов я сдался и, едва слышно вздохнув, пробормотал:

— Ладно. Жду тебя в той гостинице, где мы были.

Лицо Минчжу осветилось восторгом, и он снова собрался удариться лбом об пол. Я подхватил его под локоть:

— Если хочешь следовать за мной, запомни одно: мне твои поклоны не нужны. Можешь кланяться небу, земле, предкам или родителям, но только не мне. Я этого не терплю. Понял? Все люди рождаются равными, и никто не обязан унижаться перед другим.

Минчжу слушал меня с явным сомнением:

— Но как же... а император? А важные чиновники? Почему нельзя кланяться господину?

Я понимал, что в государстве с монархическим строем мои идеи звучат как безумие. Для них трепет перед правителем был естественен, как дыхание. И хотя для меня император был лишь обычным человеком, в некоторых вещах приходилось идти на компромисс с местными обычаями. Но здесь, вдали от дворцов, я мог позволить себе быть собой.

— Ты думаешь, до императора так легко добраться, чтобы поклониться ему? Ты его и в глаза никогда не увидишь. А передо мной — не смей. Запомнил?

Минчжу кивнул.

Он пришёл в гостиницу спустя полдня. Глаза его опухли и стали похожи на грецкие орехи. С того дня он и остался при мне. Пролетело три года — невероятно быстро.

Вспомнив нашу первую встречу, я искоса взглянул на нынешнего Минчжу. Где тот робкий, несчастный мальчик? Теперь передо мной стоял языкастый и пронырливый малый.

— Господин, всё готово, можем идти, — он подошёл ко мне, закидывая узел за спину.

Мы вышли из города и зашагали по тропе, ведущей в горы, к Поместью Лазурного Лотоса. Там жили мои наставники, и там меня знали под именем Хань Сяо.

Хань Сяо — моё настоящее имя. Не Нань Си, чьё тело я теперь занимал. Нань Си больше нет. Он умер, и, скорее всего, о нём уже никто и не вспоминает. Что ж, так даже лучше. Я никогда не стремился к тесной связи с семьёй Нань, и теперь моё желание исполнилось. Пусть и такой ценой.

<http://bllate.org/book/17518/1721991>